

Владимир М. Труб

О НЕКОТОРЫХ СРЕДСТВАХ И СПОСОБАХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В данной работе на конкретных примерах рассматриваются возможности семантического анализа, при котором активно используются различные факторы: разные типы представления множества, коммуникативные ранги, учёт гипотетической модальности.

1. Одним из средств семантического анализа высказываний служит т.н. «компонентная модель», которая часто может быть использована для интерпретации как утвердительных, так и отрицательных предложений. В её основе лежит логико-семантическая структура, описывающая одно из значений таких лексических единиц, как *среди* (*в числе, в составе...*)(M,X). Данные единицы представляют собой предикаты с двумя обязательными валентностями:

1) номинативная группа (в частном случае – дескрипция), обозначающая то или иное множество или собирательную совокупность M;

2) предложение, образованное сказуемым бытийного типа с подлежащим, обозначающим объект (или подмножество произвольной природы) X, принадлежащий множеству M.

Ср., например, начальную фразу пушкинского «Арапа Петра Великого»: (1) *В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился и его крестник Арап Ибрагим.*

В зависимости от последовательности расположения членов рассматриваемого валентного комплекса во фразе возникают различия в её коммуникативной организации – вариативность её темо-рематического членения. В качестве темы предложения (1) выступает ‘множество молодых людей, отправленных Петром в чужие края...’, а в реме оказывается утверждение о том, что в это множество входил и арап Ибрагим. Обратное расположение валентностей X и M приводит к другому членению на тему и реме – ср. (2) *Крестник Петра Великого арап Ибрагим был в числе молодых людей, отправленных Петром в чужие края...*

Подобные высказывания могут быть интерпретированы посредством «компонентной модели», в основе которой лежит представление о тожде-

стве двух разных обозначений одного и того же множества: дескриптивно-го обозначения и, с другой стороны – задания множества через перечисление его составляющих, степень детализации которых может варьироваться. СемП предложения (1) может быть представлено следующим образом:

(1) \approx «множество молодых людей, отправленных Петром в чужие края...» тождественно $\{M_i \ \& \ \text{Крестник Петра арап Ибрагим}\}$ '.

Как видим, объемлющее множество, заданное дескрипцией, альтернативно представляется в виде «суммы слагаемых», одно из которых задано в виде референтно-неопределённого подмножества M_i , а второе – как референтно-определённый объект – лицо, представление о котором в данном случае вводится впервые. Такое различие в способах обозначения компонентов объемлющего множества в правой части тождества обеспечивает выделение (акцентуацию) второго слагаемого. Тем самым срабатывает широко известный принцип противопоставления «центра» и «периферии» («фигуры» и «фона») – ср., например, (Падучева 1998, Рахилина 2000): в «фон» отходит первое, референтно-неопределённое слагаемое, тогда как в «центр» попадает арап Ибрагим, поскольку в дальнейшем повествовании речь пойдёт именно о нём.

Значение же предложения (2) может быть задано как некоторая перестановка элементов СемП (1) (правая часть тождества становится его левой частью, в которой меняются местами члены конъюнкции, отражающей состав объемлющего множества):

(2) \approx «{Крестник Петра арап Ибрагим & M_i } тождественно «множество молодых людей, отправленных Петром в чужие края...»»

Коммуникативная организация СемП типа (1) и (2) проявляется в том, какой из видов представления множества находится в левой, а какой – в правой части тождества. Левая часть тождества соотносится с тематической частью СемП, а правая – с рематической. При этом противопоставление «фон / фигура» срабатывает, если представление множества посредством перечисления разных по «референциальной силе» обозначений его компонентов располагается в правой (рематической) части тождества. Вариативность коммуникативной организации высказываний с лексическими единицами типа *в числе, среди, в составе*, т.е. возможность отражать концептуализацию разной направленности (от множества к одному из его компонентов и от компонента к множеству), обусловлена возможностью вариативности синтаксических позиций их валентностей M и X . В первом случае высказывание опирается на прагматическую презумпцию существования соответствующего множества. Во втором случае идея о существовании множества может предсцироваться и в процессе восприятия высказывания. Эта особенность рассматриваемых лексем резко отличает их от квазисинонимичных им глаголов типа *принадлежать, состо-*

ять в, участвовать, способных обозначать лишь одну концептуализацию – от элемента к множеству. В отличие от *принадлежать*, отражающем самую общую идею о вхождении некоторого элемента в то или иное множество, в значении других глаголов на «презумптивном» уровне может отражаться специфика множества М. Например, *состоять в М* исходит из презумпции, что множество М представляет собой штатную социальную структуру, легитимно подчинённую некоторой вышестоящей инстанции, возложившей на данную структуру выполнение определённых функций. А значение *участвовать в Р* указывает на то, что Х является членом нераспределённого множества лиц, образующих множественный агентивный субъект деятельности Р, преследующей цель, общую для всех членов данного множества. Тот же тип концептуализации (от элемента к множеству) можно усмотреть и в значении *Х вместе с У, ... Р*, которое, однако, требует, чтобы на поверхностном уровне были перечислены и остальные члены соответствующей совокупности.

Рассматриваемое противопоставление «центра» и «периферии» отражает один из видов ожиданий, которые обычно опровергаются при отрицании. В подобных случаях предметом опровержения становится представление о структуре какого-либо множества – ожидание, что в его состав, помимо прочего, входит и элемент, находящийся в коммуникативном центре. Так, отрицательное предложение (3) *Арап Ибрагим не был в числе молодых людей, отправленных Петром за границу...* можно представить следующим образом:

(3) \approx 'Можно было полагать, что во «множестве М молодых людей, отправленных Петром за границу...», был и арап Ибрагим, т.е. что М тождественно {М₁ & арап Ибрагим}. Множество М тождественно не {М₁ & арап Ибрагим}, а {М₁}'.

Лексические единицы, интерпретируемые посредством компонентной модели, мы будем условно называть **выделителями**. Отметим, что квази-синонимичный им предикат *состоять (из)*, в значении которого также устанавливается соответствие между целым и образующими его компонентами путём их перечисления, не предусматривает акцентуации ни одного из них.

Представляет интерес сопоставление рассматриваемых лексических единиц с другими функционально близкими языковыми средствами – т.н. предлогами-кванторами, подробно рассмотренными в работе (Апресян В. 2005). Среди предлогов-кванторов выделяется три семантические группы:

- 1) кванторы исключения (типа *кроме*, *за исключением*, *за вычетом...*) – ср. (4) *На контрольную пришли все мои студенты, кроме Пети*;
- 2) кванторы включения (типа *включая*, *не исключая*, *в том числе...*) – ср. (5) *На контрольную пришли все мои студенты, включая Петю*;

3) кванторы добавления (типа *кроме*², *помимо*, *сверх*, *впридачу*) – ср. (6) *Кроме моих студентов пришёл Петя*, (7) *Он подарил ей платье и туфли впридачу*.

Примечательно, что в отличие от рассматриваемых здесь средств выделения предлоги-кванторы имеют три валентности (из них две соотносятся с компонентами (P и Q) множественного актанта предиката-сказуемого, а третья маркирует сам предикат, задающий признак R. Наличие этой третьей валентности отражается в возможности богатого варьирования семантического наполнения предиката – сказуемого. В то же время «выделители» допускают в качестве сказуемого лишь ограниченный набор предикатов экзистенциально-бытийного типа: *быть*, *находиться*, *входить в*, *быть в составе*, *числиться...*, указывающих на вхождение некоторого элемента в состав множества.

Максимально обобщая, можно сказать, что основная функция предлогов-кванторов состоит в уточнении количественного состава множественного актанта предиката, который указывает на признак R, общий для всех элементов данного множественного актанта. Эта количественная характеристика «вычисляется» исходя из некоторого базового компонента P – множества, состав которого обычно известен или очевиден обоим коммуникантам независимо от рассматриваемого высказывания. В самых общих чертах значение большинства предлогов-кванторов состоит в указании того, что количество участников, образующих соответствующий множественный актанта, то ли меньше данного множества (квантор исключения), то ли совпадает с ним (квантор включения), то ли больше него (квантор добавления).

В то же время некоторые предлоги-кванторы обладают индивидуальными особенностями. Так, в отличие от кванторов исключения и включения употребление кванторов добавления *кроме*², *помимо*, *сверх* предусматривают наличие фактивной прагматической презумпции об осуществлении ситуации R с участником P. Например, (6) предполагает, что слушающему уже известно о приходе студентов говорящего, а его ассерцию образует сообщение о том, что вместе с ними пришёл и Петя. Кроме того кванторы добавления не обязательно требуют, чтобы «уточняемый» базовый компонент P множественного актанта предиката R всегда представлял собой множество. Ведь, помимо примеров типа (6), вполне допустимы и фразы вида (6а), где в качестве уточняемого базового компонента выступает единичный объект: (6а) *Кроме*² (*помимо*) *Вани пришёл Петя* (ср. (6б) *Пришли все мои друзья кроме*¹ *Вани*., где базовый множественный компонент – ‘все мои друзья’). Ср. также невозможность подстановки в качестве базового компонента обозначения единичного объекта при кванторах ис-

ключения и включения: (4а) **На контрольную пришёл Ваня кроме (за исключением) Пети*); (5а) **На контрольную пришёл Ваня включая Петю*).

Легко видеть, что значение *кроме*₂ (квантора добавления) нормативно реализуется в случае расположения данного предлога перед сказуемым, указывающим на ситуацию R. Напротив, значение *кроме*₁ (квантора исключения) маркируется его конечной позицией после группы сказуемого. Важно отметить, что при разных значениях *кроме* по-разному обозначается базовый компонент R, к которому добавляется элемент Q (для квантора добавления) или из которого вычитается Q (для квантора исключения). При кванторе добавления *кроме*₂ множественный или единичный компонент R обозначается элементом, заполняющим саму валентность предлога *кроме*. Так, в (6) в качестве компонента R выступают «мои студенты», а в (6а) – «Ваня». В то же время при кванторе исключения *кроме*₁ компонент R соотносится с соответствующим актанта предиката R. Ср. (4), где роль R отведена обозначению *мои студенты*, которое заполняет первую валентность предиката *приходить*.

Следует подчеркнуть, что значение предлогов-кванторов сохраняется и при отрицании. Так, *кроме*₁ *за исключением, за вычетом* сохраняют своё значение при употреблении отрицательной формы предиката R совместно с обозначением компонента R, в котором фигурируют отрицательные местоимения типа *никто, никого*. Ср. (8) *Кроме Вани никто из моих одноклассников не пришёл*; (9) *В зрительном зале не было никого кроме двух пенсионеров*. Как и обычно при отрицании подобные фразы опираются на прагматическую презумпцию предшествующего ожидания осуществления ситуации R – ожидания, что придут все одноклассники или что зрительный зал будет достаточно заполнен. В подобных случаях речь идёт о том, что компонент Q (Вася, двое пенсионеров) стал исключением на фоне абсолютного большинства множественного компонента R, которое не стало участником ожидавшейся ситуации R (прихода, присутствия в зрительном зале). Как видно из приведенных примеров, при отрицании позиция *кроме* становится нерелевантной – в любой позиции (перед сказуемым или после него) реализуется значение квантора исключения *кроме*₁.

В работе (Богуславский А. 2008) показано, что с точки зрения более глубокого уровня представления оба осмысления предлога *кроме* (исключения и добавления) могут быть сведены к одному обобщённому значению, т.е. могут рассматриваться как разные варианты (оттенки) единого значения. В то же время важно сознавать, что эти разные позиционные употребления *кроме* приводят к существенным смысловым различиям, «разводящим» данные употребления по разным функциональным типам кванторных слов.

Следует также отметить двойственную функцию употреблений квантора включения *в том числе*. С одной стороны, он может употребляться в качестве типичного предлога-квантора – ср. (5б) *На контрольную пришли все мои одноклассники, в том числе и Петя*, где информация о том, что Петя – один из одноклассников говорящего нормативно образует прагматическую презумпцию, т.е. заранее известна обоим коммуникантам. В то же время, в отличие от других кванторов включения, *в том числе* может употребляться и как типичный «выделитель», сообщая и о не обязательно очевидном вхождении некоторого элемента в состав множества. Так, во фразе (10) *Такие ракеты были на вооружении многих стран, в том числе и СССР* факт вхождения СССР во множество стран, имевших соответствующий тип вооружений, подаётся как новая информация. Подобные употребления *в том числе* особенно характерны для случаев, когда соответствующее множество является заранее неизвестным. При этом информация о его существовании образует ассерцию, предшествующую ассертивной информации о вхождении в его состав референтно-неопределённого элемента, о котором не шла речь ранее. В подобных ситуациях в качестве сказуемого обычно используются «интродуктивные» предикаты (ср., например, глаголы *находить*, *встречать* в их нецелевом значении) с референтно-неопределённым денотативным статусом прямого объекта, указывающего на данное множество – ср. (11) *Было найдено много украшений, в том числе и женских*.

Таким образом, рассматриваемая здесь компонентная модель служит средством отражения **качественного** состава множества элементов, характеризующихся некоторым общим признаком. При этом выделяется, акцентируется один из компонентов, о котором слушающему ранее не было известно, что он входит в данное множество.

2. Иной тип описания множества представлен многочисленными случаями, когда оно характеризуется с точки зрения количества образующих его элементов без какого-либо учёта качественных различий между ними. В этом плане представляет интерес анализ одного из значений полисемичного глагола *оставаться* в его безличной форме – ср., в частности, приведенную в работе (Падучева 2005а) интерпретацию примеров употребления данного глагола в сопровождении количественного модификатора типа *немного* в разных коммуникативных позициях. Важно подчеркнуть, что безличная форма данного глагола обязательно требует употребления количественного модификатора при первом актанте – иначе невозможно дать количественную оценку текущего состояния множества (ведь именно эта оценка образует главную иллокутивную цель высказывания) – ср. аномальность (12) * *У меня осталось книг*. В рассматриваемом диатетическом варианте модели управления глагол *оставаться* имеет ещё одну (факульт-

тативную) валентность, указывающую на исходное количество элементов данного множества – ср. строку из известной песни «На безымянной высоте»: (13) *Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят...*

Можно выделить несколько типов прочтения фраз, образуемых данным предикатом (\ – знак главного фразового ударения).

Просодическая схема вида (14) *У меня <ещё> осталось\ несколько (определённое ((некоторое) количество, немного, пять ...) книг*, где количественный модификатор находится в позиции «атрибута ремы», вполне допускает правомерность факультативного введения темпоральной частицы *ещё*. (14) опирается на актуализованную прагматическую презумпцию сокращения количества элементов множества книг вплоть до полного его опустошения (т.е. соотносится с переходом типа ‘множество книг ещё не пустое => множество книг уже пустое’), ассертивная часть (14) служит средством опровержения идеи о том, что множество книг (уже) является пустым:

(14) ≈ ‘**Презумпция:** До момента T_i имело место сокращение количества элементов множества книг. **Ассерция:** То, что в T_i множество книг (уже) является пустым, неверно, т.е. количество книг во множестве (ещё) равно не 0, а больше 0. Это количество – небольшое (равно 5)...’ Заметим, что последний компонент в интерпретации (14) факультативен и его наличие (или отсутствие) зависит от того, насколько информативен модификатор, характеризующий первый актант предиката *оставаться* – ср. *несколько, немного, пять...* в отличие от *некоторое (определённое) количество* и т.д.

Заметим, что похожую семантическую интерпретацию получает и (15) *У меня <ещё> осталось\ несколько (определённое ((некоторое) количество, немного, пять ...) книг*, в котором основное фразовое ударение падает на последнее слово (*книг*). Тем самым имеется в виду, что ранее о текущем состоянии множества книг речь вообще не шла. В этом случае прагматическая презумпция сокращения множества книг, а также идея о том, что данное множество уже может быть пустым, оказывается в центре внимания обоих коммуникантов не непосредственно перед произнесением (15), как это предполагается в (14), а актуализуется у слушающего позже – в процессе восприятия (15).

А в отрицательном предложении (16) *У меня уже не осталось\ книг* опровергается противоположная идея: ‘можно было полагать, что в T_i множество книг (ещё) не является пустым, т.е. состоит из n -ного количества книг’: (16) ≈ ‘В T_i множество содержит не n -ное, а нулевое количество книг’.

Ещё одна просодическая схема с данным глаголом (в которой количественный модификатор оказывается в рематической позиции) пред-

усматривает уже не факультативное, а обязательное введение темпоральных частиц, которые отражают переход вида 'во множестве ещё много элементов => во множестве уже немного (мало) элементов'. При этом в предложениях с частицей *ещё* количественный показатель при первом актанте *оставаться* обозначается единицами из очень ограниченного списка лексем, указывающих на большое количество:

(17) *У меня ещё осталось много (достаточно, большое (значительное) количество...) \ книга*

А в предложениях с обязательным *уже* соответствующий количественный модификатор, помимо лексем, обозначающих малое количество, может содержать и числовой показатель. Однако каким бы ни было абсолютное значение данного числа, оно всегда оценивается как заведомо небольшое в сравнении с исходным количеством элементов данного множества :

(18) *У меня уже осталось немного (мало, 20...) \ книга*

Как справедливо отмечается в [Падучева 2005], во фразах типа (18), как и в (19 – 20) (см. ниже), модификатор, указывающий на небольшое количество чего-либо, в рематической позиции всегда приобретает значение 'мало'. Тем самым, помимо чисто количественной оценки, данный компонент становится оценкой ещё и аксиологической, которая в разных прагматических ситуациях может приобретать оценочные знаки 'плохо' или 'хорошо'. Так, в (18) может подразумеваться, что оставшееся количество книг является недостаточным для достижения определённой цели, и тем самым описываемое положение вещей оценивается как негативное. Вместе с тем во фразах вида (19 – 20) отражается противоположная оценка:

(19) *У них уже осталось немного (мало) \ претензий;*

(20) *В почках (печени) осталось уже немного (мало) \ камней*

Ещё один (рассмотренный в [Падучева 2005]) вид интерпретации предложений с глаголом *оставаться* исходит из аналогичной просодической схемы (количественный модификатор – в рематической позиции), но фраза не содержит темпоральных частиц. В этом случае имеется в виду, что в момент речи или наблюдения обсуждаемое множество является заведомо не пустым (этот факт образует прагматическую презумпцию). Ассертивная же часть отражает количественную оценку «мощности» данного множества:

(21) *У меня осталось немного (мало, много, пять...) \ книга* ≈ '**Презумпция:** Имело место сокращение количества множества книг. В рассматриваемый момент данное множество содержит определённое количество элементов. **Ассерция:** Это количество небольшое (большое, равно п...)'.

Примечательно, что в рамках данной просодической схемы (как в примерах (18 – 21) числовое значение количественного модификатора не допускает неинформативного выражения – ср. (22) **У меня осталось неко-*

торое (определённое) количество \ книг. Ведь во всех этих случаях предполагается заранее известным, что множество книг не является пустым.

А в (23) *У меня <уже> совсем не осталось книг* = *У меня <уже> не осталось ни одной книги* опровергаемая пропозиция может быть представлена как 'можно было полагать, что в момент T_i множество содержит (хотя бы) небольшое количество книг'. Таким образом, ассерцию (23) можно представить как 'В T_i множество книг содержит (даже) не небольшое количество книг, а нулевое их количество'. Как видим, расхождения в интерпретации (16) и (23) сводятся к некоторому различию в опровергаемых пропозициях (P) при одинаковых результатах опровержения, отраженных в противопоставительной части (Q).

Ср. также (24) *У меня <уже> почти не осталось книг*, где опровергается гипотетическая пропозиция вида 'Можно было полагать, что в T_i множество <ещё> содержит достаточно много книг': (24) ≈ '...Ассерция: В T_i множество содержит не большое, а очень небольшое количество книг'.

3. Важность учета различных видов гипотетической модальности пропозиций, попадающих в сферу действия оператора отрицания, подтверждается при анализе самого разнообразного языкового материала. В лингвистической литературе неоднократно обсуждался вопрос о специфике значения глаголов контакта и их взаимодействии с отрицанием – ср. ([Богуславский И.М. 1985; Зельдович 1998; Гиро-Вебер, Микаэлян 1999; Падучева 2005]). В то же время представляется, что по мере развития семантической теории эта проблематика может периодически переосмысливаться и пересматриваться с учётом новых идей.

Хотя семантическое отношение контакта в принципе является симметричным, тем не менее субъектный и объектный актанты глаголов *касаться* (в его прямом значении) не могут быть охарактеризованы идентичным набором признаков. Как показано в работе (Гиро-Вебер, Микаэлян 1999), важными особенностями семантики этого глагола являются:

– ограниченность поверхности контакта, которая должна быть меньше всей поверхности субъекта и объекта – ср. неправомерность (25) **Скатерть касается стола*. В частном случае контакт может осуществляться с помощью орудия-посредника – части одушевлённого или неодушевлённого субъекта или инструмента-посредника (ср., например, (26) *Яблоня касается окна ветвями*);

– способность контактирующих предметов к движению – контакт может устанавливаться как между подвижными субъектом и объектом, так и между подвижным (или потенциально подвижным) субъектом и неподвижным объектом, но не наоборот – ср. (27) *Занавеска касается пола*, но не (28) **Пол касается занавески*;

– непродолжительность контакта или его последовательная повторяемость, ограниченность в использовании глагола *касаться* для обозначения статических отношений между предметами.

В то же время глагол *упираться*, наоборот, предусматривает статическое взаимодействие контактирующих предметов.

Согласно общепризнанной концепции, задекларированной в работе (Богуславский И.М. 1985), значение предикатов *X касается У-ка*, *X упирается в У* в самом общем виде описывается двумя последовательными ассертивными пропозициями, отражающими:

1) наличие контакта между X-ом и У-ком;

2) указание на степень силового воздействия X-а на У. Ср.:

(29) *Ветка касается окна* ≈ 'Ветка находится в контакте с окном. Силовое давление ветки на окно невелико';

(30) *Ветка упирается в окно* ≈ 'Ветка находится в контакте с окном. Силовое давление ветки на окно велико'.

Важно подчеркнуть, что хотя обе пропозиции в приведенных толкованиях являются ассертивными, первая пропозиция выступает в качестве семантической презумпции второй, поскольку наличие контакта является необходимым условием силового давления X-а на У (каким бы силовым ресурсом ни обладала ветка, без контакта с окном она никак не может на него воздействовать).

Предметом неоднократного обсуждения стали различия в поведении фраз типа (29 и 30) под отрицанием (Богуславский И.М. 1985, Зельдович 1998). Обращалось внимание на то, что в примерах вида (29а) *Ветка не касается окна* однозначно опровергается первая пропозиция, т.е. констатируется отсутствие контакта между веткой и окном, а вторая пропозиция вообще «исчезает». В то же время во фразах вида (30а) *Ветка не упирается в окно* вторая пропозиция толкования глагола *упираться* не исчезает. Тем самым она, как и первая пропозиция, может попадать в сферу действия (СД) отрицания, в связи с чем «возникает неоднозначность – то ли нет контакта, то ли нет приложения силы» – ср. (Падучева 2005: 665).

Как представляется, для объяснения специфики воздействия отрицания в примерах (29а – 30а) можно и здесь привлечь принцип противопоставления «центра» и «периферии» или «фигуры» и «фона». Естественно полагать, что в СемП (29) «центром» является указание на наличие контакта между веткой и окном. Ср. также приведенное в работе (Гиро-Вебер, Микаэлян 1999: 31) положение о том, что центральным семантическим компонентом глагола *касаться* является «минимальный контакт». А в СемП (30) в «центр» толкования глагола *упираться* попадает указание на значительное силовое воздействие ветки на окно.

Важно также иметь в виду, что во фразах (29а–30а) объектом опровержения является не смысл, который нормативно только формируется в процессе восприятия фраз (29 – 30), а «готовый», как бы уже воспринятый их смысл. Ведь отрицание выполняет функцию негативной оценки истинности информации, предварительно актуализированной в общем поле зрения говорящего и слушающего. При этом, в отличие от значений (29, 30) данному смыслу соответствует не реальная модальность, а модальность гипотетическая. С учётом значений глаголов *касаться*, *упираться* смыслы, опровергаемые в (29а, 30а), могут быть условно представлены как гипотезы вида:

Mod (29а): 'Если ветка находится в контакте с окном, то возможно, что силовое давление ветки на окно является небольшим' (т.е. соответствующая гипотетическая модальность может быть представлена в виде имплицативной зависимости, в которой первая пропозиция толкования соотносится с посылкой имплицации, а вторая пропозиция – с её следствием. Существенно также, что характер связи следствия с посылкой является здесь не однозначным, а вероятностным (контакт ветки с окном является не достаточным, а только необходимым условием незначительного силового давления ветки на окно).

Неоднозначность же предложения (30а) связана с тем, что только из (30а) не ясно, какая именно из двух приведенных ниже гипотез в нём опровергается:

то ли: Mod1 (30а) **Презумпция**: Ветка находится в контакте с окном. **Ассерция**: Возможно, что силовое давление ветки на окно велико',

то ли: Mod2 (30а) 'Если ветка находится в контакте с окном, то возможно, что силовое давление ветки на окно велико'.

При этом в каждом из гипотетических смысловых образований сохраняется то же членение на «центр» и «периферию», которое характеризует базовое значение данных глаголов в реальной модальности. В структуре Mod (29а) «центр» по-прежнему соотносится с пропозицией 'ветка находится в контакте с окном', которая теперь образует имплицативную посылку 'если ветка находится в контакте с окном'. В первом варианте гипотетической структуры Mod (30а) «центру» соответствует ассертивная пропозиция в модальности возможности: 'возможно, что силовое воздействие ветки на окно велико', а в её втором варианте – та же пропозиция, но в статусе имплицативного следствия, которое имеет не однозначный, а вероятностный характер.

Существенно то, что во фразах (29а – 30а) в сферу действия (СД) отрицания попадают пропозиции, имеющие статус «центра». Рассмотрим подробнее результаты применения отрицания в этих примерах.

В (29а) в СД отрицания попадает «центральная» пропозиция, соответствующая имплицативной посылке в структуре Mod (29а). Тем самым однозначно отмечается само предположение о возможности контакта: 'То, что ветка находится в контакте с окном, неверно' (т.е. 'расстояние между веткой и окном равно не нулю, а больше нуля' или 'края ветки и окна находятся не в одном месте, а в разных местах' – ср. толкование *касания*, данное Аристотелем и приведенное А.К.Жолковским в работе (Жолковский 1964:7)). При этом пропозиция, соответствующая вероятностному имплицативному следствию, «исчезает». Действительно, отрицание, воздействуя на первую пропозицию, превращает её в ложную презумпцию второй. А по правилу, восходящему ещё к Г. Фреге (Фреге 1977), смысл, презумпция которого является ложной, вообще теряет истинностное значение. Поскольку контакт ветки с окном является необходимым условием какого-либо силового воздействия ветки на окно, то при отсутствии контакта любое такое воздействие становится невозможным.

При всей неоднозначности фразы (30а) из неё однозначно следует, что (31) 'в любом случае окно не испытывает значительного силового воздействия со стороны ветки'. При этом сохраняется неоднозначность относительно того, является ли это силовое воздействие слабым или же вообще равным нулю. Первая интерпретация обусловлена существованием контакта между веткой и окном, вторая – отсутствием контакта.

Если в (30а) имеется в виду, что объектом отрицания является смысловая структура Mod1 (30а), опирающаяся на фактивную прагматическую презумпцию заведомого наличия контакта между веткой и окном, то тогда значение (30а) становится однозначным: 'При существующем контакте ветки с окном силовое давление ветки на окно является не большим, а незначительным' (как известно, отрицание большой величины чего либо равносильно указанию на малое значение этой величины и наоборот – ср. (Падучева 2005: 655).

Если же в (30а) опровергается структура Mod2 (26а), то значение (30а) сохраняет неопределённость, хотя и меньшую, чем приведенный выше общий вывод (31). Это значение может быть более точно представлено как: (32) 'Если ветка и находится в контакте с окном, то силовое воздействие ветки на окно является не большим, а незначительным' (ср. приведенное во (Фреге 1977) правило, согласно которому отрицание условного предложения равносильно отрицанию его следствия). При этом в (32) связь посылки со следствием становится не вероятностной, а однозначной. В (32) имеется в виду, что при наличии контакта силового давления ветки незначительно, а в противном случае оно является нулевым.

Таким образом, неопределённость фраз типа (30а) обуславливается не тем, что не ясно, на какую из пропозиций толкования (указание на наличие

контакта или на приложение силы) воздействует отрицание. Ведь в его СД однозначно оказывается «центральная» пропозиция, указывающая на приложение значительного силового ресурса. Неоднозначность интерпретации (30а) объясняется минимум двумя видами гипотетической модальности смысловых структур, подвергаемых отрицанию. При этом различается даже не две, а три интерпретации, поскольку имплицативный характер второго модального образования (при том, что опровергается не посылка, а следствие) «вынуждает» учитывать два варианта, обусловленные допущением возможности существования обеих альтернативных посылок: 'если ветка находится в контакте с окном' / 'если ветка не находится в контакте с окном'. А однозначную интерпретацию допускают фразы типа (33) с эксплицитной противопоставительной частью и типа (34) с последовательным отрицанием сначала ассерции, а затем и презумпции *упираться*:

(33) *Ветка не упирается в окно, а (только) касается его;*

(34) *Ветка не упирается в окно и (даже) не касается его.*

Литература

- Апресян В. 2005 – Предлоги-кванторы в русском языке // *Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. Издательство «Индрик», Москва 2005. С 350-371.*
- Богуславский А. 2008 – Однозначное *кроме* // *Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой. Языки славянской культуры. Москва – С. 99 – 109.*
- Богуславский И.М. 1985 – Исследования по синтаксической семантике. М. Гиро-Вебер, Микаэлян 1999 – М. Семантика глаголов прикосновения во французском и русском языках: *toucher, касаться, трогать* // *Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна – С. 18 – 34.*
- Жолковский А.К. 1964 – Предисловие // *Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. Москва.*
- Зельдович Г.М. 1988 – О типах семантической информации: слабые смыслы // *Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1998 N 2.*
- Падучева 1998 – Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // *Семиотика и информатика. – М.: Языки русской культуры; Русские словари. С. 82 – 107.*
- Падучева 2005 – Семантика количества и её отражение в просодии // *Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. Издательство «Индрик», Москва – С. 653 – 667.*
- Рахилина 2000 Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. – М.: *Русские словари – 416 с.*
- Фреге Г. 1977 – Смысл и денотат // *Семиотика и информатика. – М.: ВИНИТИ, Вып. 8 – С. 181 – 120.*